

Новая газета: 1997, — 25-31 авг., — с. 16

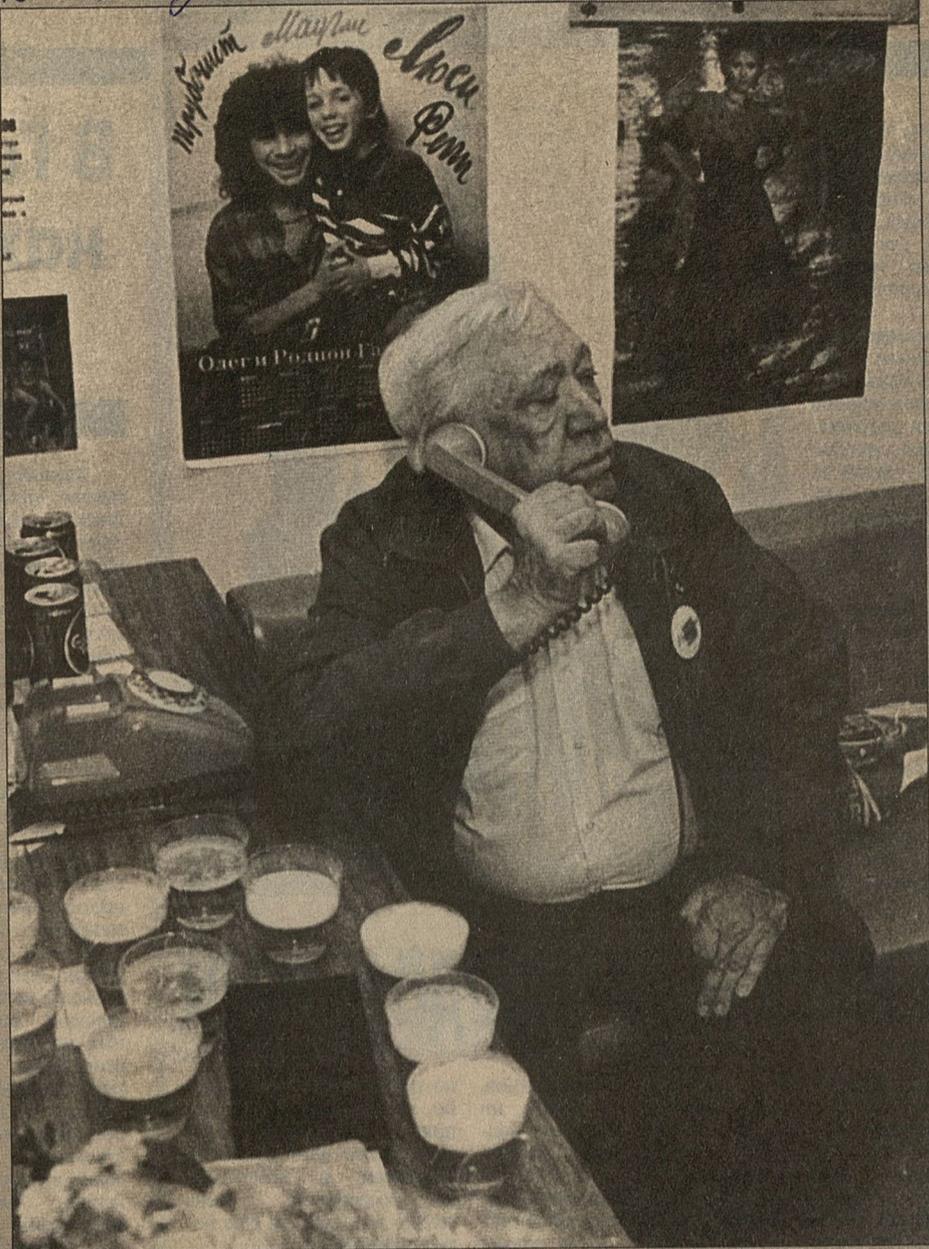

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

Я не думал, что клоуны умирают всерьез

Я не спешил снимать Юрия Никулина. Верил в его жизнь. Чего, казалось, спешить. Не лучше ли насладиться его обаянием, его паузой, когда и ты, и он знаете, чем кончится рассказ, и ждете. Он — твоей реакции. Ты — его ответа на свой смех.

Никулин как-то сам сложился. Из дефицитного сырья, которого нам не всякий раз достает: из доброты, незлобивости, юмора не общего пользования, таланта, из верности, наконец. Тебе и мне.

Мог я фотографировать Юрия Владимировича лет тридцать пять назад в Ленинграде, в открытом и веселом доме актрисы А. Лисянской, где бывали Баталов, Саввина, Хейфиц, Акимов, Фрид и Дунский... Много народу. Рассказчики, говоруны...

И вдруг появился (со съемок на «Ленфильме» «Мухтара») худоскавый, чуть сутулый человек, который сидел тихо, лишь изредка вставляя в паузах реплики. Умные, точные и невероятно смешные. Скоро пауз стало больше, а потом все и вовсе затихли, слушая его бесчисленные истории.

Никулин обладал высоким даром: что бы он ни делал на арене, на экране или в кругу друзей, он был совершенно органичен, обаятелен и начисто лишен пошлости.

Тогда в Питере он взял гитару и спел песню про «русское слово» (сами догадайтесь какое). Мы смеялись до слез. В его исполнении слова песни не покорили даже детей. Потом опоздавшая к никулинскому номеру — тогда молодая и красивая, а теперь возглавляющая театр — актриса спела ее на свой манер. Все потупились. Не в словах было дело.

Юрий Владимирович, Юрий Никулин, Юрик. Мы ведь без тебя и не жили. Десятки лет мы плакали и смеялись с тобой. А теперь плачем по тебе...

Этот большой цирк, в котором мы кувыркаемся, как умеем, потерял высокого профессионала, который учил нас иронии и дарил нам надежду на улыбку. Да и улыбку дарил.

Почему я его ни разу по-настоящему не сфотографировал?..

Я не думал, что клоуны умирают всерьез.

83